

Армен Джигарханян

МОЯ ПРОФЕССИЯ

СЧАСТЛИВОЕ РОДСТВО ДУШ

Открытие нового сезона в Театре имени Маяковского совпало в этом году еще с одним приятным юбилеем — одному из ведущих актеров театра Армену Борисовичу Джигарханяну в эти дни исполнилось 50 лет!

— Армен Борисович, говорят, 50 лет — начало второй молодости в искусстве и в то же время — пора подведения первых итогов. Скажите, вы счастливый человек?

— Думаю, что в целом-то да. Хотя, если честно, мне не очень нравится слово «итоги». Человек обязательно время от времени делает какие-то выводы, анализирует, размышляет, вот и Сократ нам советует всегда «проверять и сомневаться». Но я в таких случаях думаю: главное — не останавливаться, чтобы единственным смыслом жизни не стало подведение итогов. Ведь тогда и смысла не будет, искусство закончится.

— Значит, движение продолжается?

— Во всяком случае я хочу, чтобы это было именно так... И многого жду от нового сезона.

Мы готовим «Закат» Бабеля и спектакль «Театр времен Нерона и Сенеки» Радинского. Боюсь говорить пока что-то определенное по поводу этих новых для меня ролей: Нерона и Менделя Крика. Процесс, который во мне сейчас происходит, очень скрытый, не могу его объяснить. И я убедился по встречам с хорошей драматургией, а эти пьесы из их числа, что иногда нужно два-три года, чтобы появилась возможность несколько отстраниться от своего героя, чтобы появилось не только самочувствие в этой роли, но и какие-то мысли о ней. А как много значат «мелочи»? Так было и с образом Левинсона в «Разгроме». Я умом понимал, какой это должен быть человек, сжигающий себя, разный, иногда жестокий, но бесконечно преданный идее... Все это я пытался осуществить. А потом вдруг даже не понял — почувствовал: а Левинсон-то плохо видит, близорук. И от этого открытия стало легче, что-то прояснилось, во мне родилось уже совершенно другое ощущение живого Левинсона. Такого «прикосновения» я жду и в Нероне.

— Критики отмечают ваше умение ощутить, зримо мыслить на сцене. А как зрители? Всегда ли они понимают вас?

— Взаимоотношения со зрителем — это всегда сложно. Но в нашей профессии, мне кажется, очень важно быть честным перед собой и другими. Важно преодолевать в себе желание правиться, что, наверное, до конца просто невозможно, ибо заложено в природе человека. Мне кажется, образцом в этом была незабываемая Эдит Пиаф. Она выходила к людям рассказывать о чем-то очень важном, и это было в ней главное. И причина ее успеха была как раз в том, наверное, что она никогда не лгала.

Иногда же очень трудно определить взаимную искру, которая возникает или не возникает между сценой и залом. Ну что же, театр — это, видимо, соприкосновение душевных состояний актера и зрителя, оно может произойти, а может и нет. Так и в других искусствах: мы можем восхищаться, но не будем потрясены.

— И тем не менее немногие актеры пользуются такой популярностью. Вы много заняты в театре, еще больше — в кино, на телевидении. Как

мне кажется, одинаково увлеченно играете и в драме, и в комедии...

— Я обману вас, если скажу, что, играя в комедии, отдыхаю. Это неправда, законы искусства остаются прежними, просто здесь происходит переклещивание, в действие вступают другие клеточки, что ли. Так происходит и когда я веду автомобиль, что вообще очень люблю делать, — напряжение не меньше, но эффект уже совсем другой. И это мне приносит радость. Мне хочется играть все — и комедию, и трагедию, и фарс. И в нашем деле очень важно не бояться быть смешным, ведь у истоков театрального действия всегда стоял и стоит скоморох. Поэтому, когда нужно было моему герою запеть, — запел и я.

— Скажите, как приходят к вам новые роли? Это всегда случайность, всегда счастливое «вдруг»?

— Жизнь идет, а с ней и накопление жизненного опыта, впечатлений, и, когда появляется роль, происходит некое соприкосновение опыта и предложенного материала. Иногда, к сожалению, несоответствие обнаруживается уже потом, когда, допустим, в кино, уже трудно что-либо исправить. И еще, я убежден в этом, и, кажется, уже говорил как-то, очень важно хорошо знать и чувствовать тех людей, с которыми ты вместе делаешь эту новую работу. Например, с режиссером Кеосаяном мы сделали восемь картин. Его я знаю с детства, вместе росли, что само по себе, разумеется, еще ничего не решает. Но даже отрицая что-то, мы все время идем с ним к одной общей цели, чутко улавливая биотоки друг друга. Такое полное соединение и взаимоприкосновение в одной работе бывает не всегда. Я очень люблю наш фильм «Когда наступает сентябрь». Но наиболее точное совпадение было в фильме, как ни странно, гораздо менее известном — «Ущелье покинутых сказок», сделанном на армянском материале.

— Значит, вы придаете значение тому, с кем придется вместе работать?

— Да, причем это особенно важно, когда встречаешься с большим, глубоким автором. Тогда все приобретает особое значение — и «группа крови» коллектива, и климат, в котором работаешь. Но такое родство душ — это и счастье, и подарок, — которое бывает редко, особенно в кино. Не хочу тут никого обижать. Тем более что в этом году мне невероятно повезло — сразу две первоклассные работы: Колосов снимает «Мамашу Кураж» по Брехту (я играю повара). С этим режиссером мы работали вместе в фильмах «Операция «Трест» и «Свеаборг». И у режиссера Титова в многосерийном фильме «Жизнь Климата Самгина» по Горькому играю Варавку. Такого богатства даже не припомню, хотя снялся уже почти в ста картинах.

— Армен Борисович, при такой разноплановой и интенсивной работе где же вы больше всего «у себя дома»?

— Для меня всегда домом был и остается театр. При всей модернизации жизни в древнейшем организме театра есть что-то неизменное, вечное, первозданное. Зритель, актер, зал, шум, занавес, наивная и прекрасная вера в то, что происходит сейчас, здесь — при всех катаклизмах и новациях театр все-таки остается прежним. И в этом, я думаю, его истина. Кино же — это все более индустрия, здесь много неуправляе-

мых вещей, начиная от качества пленки. И хотя я очень люблю кино, но каждый раз все-таки возвращаюсь в театр. Здесь мне тепло, уютно, хорошо, здесь живет вечность.

— А вас не огорчает, что в театре вы совсем не играете ролей наших современников?

— Смотря что считать современным. Сократ для меня — как самый близкий, любимый мною человек, если так можно сказать о ком-то, жившем тысячелетия назад. И эта роль для меня гораздо современнее многого, что поплавок прыгает на поверхности. Другое дело, что всегда хочется играть про то, что знаешь, но мне кажется, что я знаю этих людей — и в «Беседах с Сократом», и в «Трамвае «Желание», — я их встречаю на улице, в метро, среди близких знакомых. Что может быть современнее Большого Па из «Кошки на раскаленной крыше»? Клянусь, я знаю таких, и даже грим сделал со знакомого человека.

— Вы говорили, что в каждом персонаже нужно найти и себя, свою правду. Но Мольер, и Ричард III, и Сократ, и Большой Па... При таком разнообразии типов всегда ли это возможно?

— Все равно, каждый человек — это космос, он разнообразен, в нем живут все эти эмоции. Нерон ведь тоже был сделан не из капрона — испытывал любовь, и боль, и ненависть, по-своему, конечно.

— Вот уже семнадцатый сезон вы начинаете в Театре имени Маяковского. Видимо, ваша «группа крови» совила более всего с этим театром?

— Наверное, хотя все это непростое. Иногда в театре что-то рождается вопреки — «группе крови», логике. Казалось, это не могло сойтись, и тем не менее сходится. Ведь если два человека полвека, допустим, работают в одном театре, это не значит, что на все вещи они смотрят одинаково. Но у них существуют союз, договоренность. А брак по расчету, хоть нас чаще стараются уверить в обратном, — это не всегда несчастливый брак. Театр — это и расчет, и любовь, и ненависть, это — жизнь. В нем есть все, в нем все разные, иначе быть не может. А главное в нем, наверное, вот этот союз, медленное, трудное созревание всех. Театру нужен, безусловно, сильный лидер, спичку зажигает он, но если не горят все — ничего не произойдет.

За 17 лет в нашем театре я видел и крупное, большое, были и просчеты, компромиссы. Но ведь это, как человек: сегодня он выглядит хорошо, в форме, завтра — плохо, вдруг постарел, а потом вроде снова хорош...

— Армен Борисович, как художника и человека что волнует вас сейчас больше всего?

— Какая-то бездуховность, что ли, мира, в котором живем. Все внешние критерии вроде бы в порядке — народ ходит, смотрит, пластинки покупает, билеты и книги не достать. Но меньше стало настоящего, истинного. Хотя, впрочем, говорят, что эта проблема духовного и бездуховного стояла всегда, может быть, в разные времена по-разному. Я не против удобных и красивых вещей, важно только, чтобы потребность в комфорте не стала движущей силой всего, ибо тогда она рождает равнодушие, что уже страшно.

Беседу вел
В. ТЕРЕХИНА.